

АННА КАРЕНИНА

Под треск хрустала
РАЗВОД

Анна Каренина

Развод. Под треск хрусталя

«Автор»

2026

Каренина А.

Развод. Под треск хрусталя / А. Каренина — «Автор», 2026

Прямо из аэропорта я еду в любимую кондитерскую мужа, чтобы забрать его любимый торт, на котором сделали специальную надпись Хрустальная свадьба. Любовь не разобьется. Поворачиваю ключ в замке, щелкаю зажигалкой и зажигаю свечи. Толкаю светлую дверь и остаюсь стоять с примерзшей к лицу дурацкой улыбкой, увидев как женский наманикюренный палец вонзается в плоть моего мужа. Глаза слепит короткая вспышка от крупного бриллианта на ее пальце. Это тот самый палец, что неделю назад чертил схемы на графике, убеждая меня непременно самой лететь на переговоры с китайцами. Теперь моя начальница здесь. Свечи на торте тают, и вдруг торт летит, а шоколадно-ореховая масса врезается в задницу предателю. Свечи падают. Пламя лижет кожу. Муж орет, Лена визжит, а я истерически смеюсь. Иначе сердце разорвется. Воздух пахнет горелыми волосами и шоколадом. Вадик все еще катается по простыням, тушит пламя руками.

© Каренина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Анна Каренина

Развод. Под треск хрусталя

Глава 1

Веселое июньское солнце пытается вдохнуть хоть каплю радости в женщину, устало сидящую на скамейке в парке. В ее руках букет с белыми ромашками, а в глазах пустота.

Сегодня у этой женщины должен был быть чудесный день - романтический ужин в их новой квартире, нежные объятия и страстный секс, но вместо этого она вот уже третий час сидит на жесткой скамейке, не в силах встать.

Эта женщина - я. Алиса Тимохина, тридцати шести лет от роду, Змея и Стрелец. Не знаю, чья луна и под хвост какому Скорпиону попала, но жизнь моя сегодня пошла под откос.

Или коту под хвост.

Или по пи...де. Кому как нравится.

Сегодня меня вообще не должно было быть в городе, но я так хотела порадовать любимого мужчину в наш день, что умудрилась закончить все встречи и переговоры на день раньше.

Прямо из аэропорта я поехала в любимую кондитерскую мужа к самому открытию, чтобы забрать его любимый торт, на котором сделали специальную надпись "Хрустальная свадьба. Любовь не разобьется".

Спешу, потому что боюсь не застать его дома, ведь сегодня среда: день тренировок в бассейне, когда он уезжает рано и возвращается без сил.

Поворачиваю ключ в замке и вздыхаю с облегчением, заведя его кроссовки от Dolce & Gabbana.

Кто-то носит трусы-недельки, а у моего мужа пунктик по поводу обуви: для каждого дня недели у него свои ботинки.

Скидываю туфли, ставлю сумку и крадусь на цыпочках в кухню. Открываю коробку и вставляю в торт тонкие серебристые свечки.

15 лет - серьезная дата. Почти как совершеннолетие.

Щелкаю зажигалкой и потихоньку иду в спальню, стараясь не задуть огоньки.

Толкаю светлую дверь и остаюсь стоять с примерзшей к лицу дурацкой улыбкой, увидев на нашей кровати моего мужа, моего когда-то *принца* — в объятиях другой. Его спина напрягается в такт толчкам, а под ним мелькают чужие ноги, впивающиеся в простыни. Они не видят меня. Или делают вид, что не видят.

Глядя на то, как моя кровать вздрагивает под их телами, я не сразу осознаю, что происходит. Потому что видеть чужой секс — это как подглядывать в замочную скважину за чужой исповедью. Грязно. Унизительно и *невыносимо*.

Природа не зря сделала так, что мы не видим себя со стороны в эти моменты. Иначе как вынести эту первобытную правду? Пот, слюни, перекошенные лица, судорожные движения — всё это напоминает, что под тонким слоем цивилизации мы всё те же животные. Что любовь — это всего лишь химия, а верность — условность.

Все еще стою в дверях, чувствуя, как гнев смешивается с чем-то темным и липким.

- *Как же просто стать чудовищами,* - приходит некстати мысль. - *Как легко забыть о клятвах, когда тело требует нового дофамина.*

Мне бы уйти, но я продолжаю смотреть, как её пальцы впиваются ему в спину, будто когти, оставляя белые полосы. Глаза не обманешь, а мозг все еще отказывается принимать.

"Это не моя кровать. Не может быть."

Но смотрю на тумбочку — там наша свадебная фотка. Я в платье, воздушная, как пух. Да, это мой дом. Моя спальня. И даже муж мой. Только по ним сейчас чужая кожа и чужие стоны.

Он двигается, как автомат. Её ноги — канаты, обвивающие его. Я все еще стою в дверях, и внутри всё рвётся на «до» и «после».

Как ты смеешь? Мы же обещали. Мы же...

А потом понимаю: обещания — это пепел. А мы — просто звери в клетке. Голые и жадные.

Кровать жутко скрипит. И мое сердце тоже.

Зачем-то фокусирую взгляд на заднице Вадика. К несчастью в тот самый момент, когда наманикюренный палец любовницы вонзается в его анус. Точно стрела в мишень. Глаза слепит короткая вспышка от крупного бриллианта на ее пальце.

На том самом перстне, который я видела за последние пять лет примерно тысячу раз.

Мир в очередной раз раскалывается, а мозг шепчет: «Не она. Не может быть.» Но камень в три карата на её пальце блестит, как насмешка. Тот самый палец, что неделю назад чертил схемы на графике, убеждая меня непременно самой лететь на переговоры с китайцами.

Теперь он здесь. На две фаланги в заднице моего благоверного.

Он стонет. Она — тоже. А я думаю: «Меня он никогда не просил о таком, хотя наш секс далеко выходил за рамки позы миссионера».

Но сейчас это как нож в спину.

Моя начальница поворачивает голову. Наши глаза встречаются. Её губы шевелятся: «Эй...» Но я уже не слышу. В ушах — вой. Звериный. Мой? Её? Неважно.

Он успевает ещё раз дёрнуться. Лена кричит. А я смеюсь. Тихо. Потому что иначе — сорвусь. Или убью.

Глава 2

Лена отворачивается, и я уже не уверена, точно ли она меня видела. Потому что эти двое продолжают двигаться, как заводные куклы — вверх-вниз, вправо-влево, стон в стон. Воздух густой от вони пота и секса, а под ногами липнет ковер. Я слышу всё: хлюп, чмок, хруст суставов. А ещё — её визг - высокий и фальшивый.

Вадик закидывает ее ногу себе на шею и переворачивает на бок. Не вынимая член. Лена не сопротивляется. Наоборот — изгибается и подстраивается. Прямо высший пилотаж. Значит, тренировались. Месяц? Год? Сколько раз они трахались, пока мне некогда было ни куска проглотить на рабочих ужинах, ни дух перевести деловых поездках, куда Елена Викторовна Шаповалова отправляла меня чуть ли не каждые две недели?

Тимохин долбит ее, как робот. Она кричит: «Да-да-да!» — и я вдруг понимаю: это не просто секс. Это ритуал. Они не любят друг друга. Скорее ненавидят. Ненавидят так, что рвут кожу, ломают кости, превращают постель в арену. А я — зритель. Призрак в собственном доме.

Вадик ловит мой взгляд на секунду, но его глаза пустые. Как у болванчика. Потом он закрывает их, стиснув зубы, и я вижу: на шее у него следы. Мои следы от нашего последнего раза, когда я ещё верила, что мы — одно.

Вадик рычит. Она издает что-то нечленораздельное. А я стою, сжимая в кулаке обручальное кольцо, которое впивается в ладонь тупой болью.

Наши фото на стене лживо улыбаются. А кровать снова скрипит.

Свечи тают, капая воском на торт. Белая глазурь покрывается алыми пятнами — как раны. Наш торт. Символ нашего «долго и счастливо».

А они всё трахаются, как кролики. Энергетика что-ли наладились перед этим?

Сжимаю торт в руках. Шоколадный крем просачивается сквозь пальцы. Пятнадцать свечек, пятнадцать лет брака — все горят. Что ж, пора бы фейерверку быть.

По лицу Вадика вижу, что он вот-вот кончит. Секунда - и торт летит, а шоколадно-ореховая масса врезается ему в задницу. Свечи падают. Пламя лижет кожу. Тимохин орет от того, его яйца вспыхивают, как новогодняя гирлянда. Лена визжит, когда он выдергивает член. Он делает это резко и неуклюже, при этом случайно бьет её головой о спинку кровати. Нос хрустит. Кровь. Слезы.

Она падает на пол с кровати, натывается на свои же туфли, сброшенные второпях. Каблуки впиваются в бедро.

Я громко истерически смеюсь. Потому что иначе сердце разорвется. Воздух пахнет горелыми волосами, спермой и шоколадом. Наша спальня — теперь цирк. Они — клоуны. А я — единственный зритель с билетом в первом ряду.

Лена смотрит на меня сквозь слёзы, но на ее красном лице ни тени стыда.

Вадик все еще катается по простыням, тушит пламя руками. Кончает снова — уже от боли. Сперма чёрная от гари.

Тишина. Только часы тикают. Планета вертится. А я стою, облитая кремом, и думаю: «Как же глупо умирают мечты.» Взрываются — как свечи на торте, который уже никто не съест.

Моя начальница что-то говорит, но я не слышу. В ушах — вой сирен «скорой»? Или это я вою? Неважно.

Фотография на тумбочке продолжает улыбаться, как будто ничего не случилось.

Мы на ней — молодые, наивные и счастливые. Но счастье сгорело. Как яйца Вадика.

Разворачиваюсь и не говоря ни слова иду к выходу, подбирая в прихожей сумку.

Возле подъезда какая-то бабуля продает ромашки в ведре. Хватаю пучок и сую ей купюру.

— Сдачу подожди, милая... - бормочет старушка, но я уже далеко.

Прячу слезы и красный нос в пушистых желтых серединках.

Не замечаю, как оказываюсь в любимом сквере на Сретенке. Без сил сажусь на скамейку и все еще не верю в то, что видела.

Перед глазами проносятся воспоминания о последнем годе нашего брака — как кадры из дешёвого триллера, снятого на дрожащую камеру: размытые, рваные, с гоблинским переводом. И мысль, долбящая в висок: *"Неужели мне действительно понадобилось заставить мужа в постели с другой женщиной, чтобы всё понять?"*

А потом приходит озарение: наш брак умер задолго до этого. И мы оба давно его хоронили.

Просто я не хотела этого видеть.

Глава 3

Из состояния сомнамбулы выводит настойчивый звонок на мобильник.

Вадик.

Сбрасываю. Слышать его голос сейчас выше моих сил.

Телефон звонит опять - теперь Лена.

Снова сбрасываю. Что хочет мне сказать эта белобрысая сучка? Что я уволена? Или лишена квартальной премии и бонусов?

От этого предположения меня снова раздражает истерический смех.

Продолжать заколачивать миллиарды для бабы, которая трахает моего благоверного в задницу - сомнительное удовольствие.

Интересно, когда это все началось? Да, какая к черту, разница!

Несмотря на солнце, я жутко замерзла. Кутаюсь сильнее в кардиган, вызываю в приложении такси.

Мне сейчас нужен горячий душ и дебильная комедия.

Оплачиваю корпоративной картой президентский люкс в одном из отелей возле Красной площади с некоторым злорадством. Глупо, конечно, но не могу удержаться.

Долго стою под горячими струями и никак не могу согреться. Крупная дрожь заставляет зубы выбивать чечетку. Закутавшись в пушистый халат, открываю бар и достаю оттуда маленький пузырек с коньяком.

На несколько минут охватывают сомнения, стоит ли мне пить в таком состоянии, но потом все же завариваю себе чашку кофе и добавляю немного коньячку в горячий ароматный напиток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.